

И. СИЛАНТЬЕВ

ЖИЗНЬ ЛЕГКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 82/821.161.1
ББК 84-5
С 36

Силантьев И. В.
С 36 Жизнь легка: Сборник стихов. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 96 с.

ISBN 978-5-94457-218-9

УДК 82/821.161.1
ББК 84-5

*В оформлении переплета использована фотография,
сделанная автором*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-218-9

© И. В. Силантьев, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

— СОДЕРЖАНИЕ —

<i>В. Максимов. Дебютная коллекция</i>	7
Надкушенное яблоко, и липнущий снег	13
С ударающей в лицо, кидающейся в ноги	14
Божья коровка, полети на небо	15
Когда я встаю на правую ногу.	16
Подоконник за невытым стеклом	18
Так больной после горячечной ночи.	19
Дождь прибывает дневную пыль	20
Ты стремишься стать звездой.	21
Когда я был маленьким	22
Я плохо держу вилку в левой руке.	25
Летнее кафе. Я немного пьян	26
Стоит только закрыть глаза.	28
Я рвался в стороны. Мне помогал друг ветер.	29
Так ведь бывает, что с утра не заладится.	30
Напиши мне письмо	31
Я нахожу себя в тех, кого вижу вокруг.	32
Август. Всю ночь лил дождь	33
Во мне есть неназванный свет	34
Жизнь и смерть, любовь и память.	35
Давайте представим зеленые луга	36
Припавшая набок карусель	37
Я сижу в привокзальном кафе	38
Ты пришла	39
Я с большим удовольствием читаю газеты	42

Горит что-то внутри, горит	43
Небо опускается к морю.	44
Я высок как трехэтажный дом	45
В прошлой жизни я был менюэтом	46
Я с утра сижу в ободранном баре	47
Как же хорошо быть паучком.	48
Одни женщины похожи на газеты	49
Утром я поднимаюсь пораньше.	50
Я прогуливаюсь по гулким водосточным трубам	51
Прогулки по небу бывают опасны.	52
Избыть этот город с ветрами насквозь	53
Мне бы умереть незаметно	54
Я брожу по ночному лесу.	55
Зависит ли глубина твоего взгляда	56
Сегодня я полдня проездил по линии кольцевой в метро . .	57
Друг мой дружище, мы с тобой безнадежно пьяны	59
Ночью, когда не спится, я прихожу на кухню	60
Дай мне стакан воды.	61
Летчик ты самолетный летчик	62
Загляни в эти глаза, загляни	64
Приручить ангела очень просто.	65
У меня ущербная грудь и отвисший живот	66
Чуткий как ворон, пыливый как еж	67
Пустые консервные банки	68
Если бы я был начальником бани	69
Мужики, хватит закладывать за ворот.	70
Я ложусь в зеленое поле	71
В моих ногах правда. Я толкаю планету.	72

Подойди же сюда	73
Сегодня я радугу склеил из папиросной бумаги	74
Ветры дуют в разные стороны	75
Улыбчивая поливальная машина	76
Здравствуй, земля!	77
Холод подоконника. Слепая луна	79
Помнишь, как в детстве ты катался на карусели	80
Сегодня то самое перламутровое утро	83
Я не очень люблю стариков	85
В мелкой простудной дрожи	86
Я перекрестился трижды	87
Этот наушник правый, я вложу его в правое ухо	88
Вчера у автобусной остановки	90
В сентябрьском лесу полная неразбериха	91
И перед приходом электрички	92
Я сегодня сидел с друзьями	94

— ДЕБЮТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ —

Две основные темы находятся в центре дебютной книги Игоря Силантьева: «обыденность городского существования» и «соучастие природы в жизни человека».

Обе темы давно известны отечественной поэтической традиции. Первая стала родной с XVIII столетия, вторая своими корнями уходит в фольклорную словесность. Можно вспомнить немало поэтов, которые интересовались природой и городом, разводя и связывая эти два ценностно-смысловых мира в рамках целостной поэтической реальности.

Казалось бы, что нового можно добавить в эту плотную серию опытов и широкую панораму видов? Оказывается можно, что еще раз доказывает, насколько безгранично в своих возможностях художественное слово, поэтическое воображение.

Новая коллекция образов природно-городского бытия-быта, представленная в книге «Жизнь легка», интересна и поштучно, и в целом. Однако нас будет больше занимать поиск типологических пределов, то есть возможность хотя бы условно обозначить какие-то близкие группы текстов, так как в масштабе небольшой вступительной заметки обо всех произведениях сказать не представляется реальным, сложно даже проанализировать два-три наиболее ярких стихотворения.

В таком случае, что лучше всего выбрать в качестве типологических оснований?

Было бы любопытно обратить внимание на репертуар метрико-ритмических форм дебютной коллекции. Хотя здесь даже очень въедливого критика ждет большая работа, требующая тщательности, а главное — приблизительной интерпретации обнаруженных формальных закономерностей и тенденций.

Дело в том, что по своим параметрам опубликованные стихотворения принадлежат к неклассической поэзии и, еще точнее, к тому экспериментальному направлению, которое

авторитетными стиховедами определяется как «гетероморфный», «неупорядочный» стих (Ю. Б. Орлицкий). Непредсказуемость новой поэзии проявляется в отсутствии классических норм и привычных принципов стихообразования (метрики, рифмики, строфики и т. п.). Справедливости ради заметим, что в отдельных текстах И. Силантьева кое-что из багажа классической поэзии используется. Например, встречаются произведения, сплошь или хотя бы частично зарифмованные; многие тексты катастрофично-астрофичны, но есть и такие, в которых содержится не только тонкий намек на строфы, но и их структурная отчетливость; при определенном старании можно вычислить и любимые метрические каркасы, на которые ориентировано большинство произведений (тактовик, акцентный стих и верлибр).

Если досуг позволяет, а интересы статистики представляются сверхважными, то можно посчитать анакрузы, цезуры и клаузулы, вывести некие устойчивые показатели по всему сборнику, по отдельным произведениям и по ключевым позициям текста. Например, любопытства ради, можно сосредоточиться на стиховых строчках, укладываемых в формулу «мужская анакруза — мужская клаузула», которые отличаются от других типов строк некоторой самоисчерпанностью, отрешенностью, упругостью.

Одним словом, метрико-ритмический критерий предоставляет исследователю широкое поле, но в какой степени необходимо применение тяжелой артиллерии современного стиховедения по отношению к дебютной книге? Не лучше ли в данном случае сосредоточиться исключительно на содержательно-смысловых моментах. Хотя и здесь необходимо найти верную точку типологического отсчета.

Скажем, если основной интерес видится в художественном мире, следует остановиться на образных решениях по отношению к таким категориям, как пространство и время. Если же акцентируется образ человека, который осмысливается поэтикой как организующий центр поэтической реальности,

то предстоит обязательно определить уникальность лирического героя (или лирического субъекта в целом). Этот список смысловых аспектов лирического произведения можно продолжать до бесконечности, но, в конечном счете, все пути ведут к образу. Именно типология художественного образа и может стать основой типологического расклада предложенной коллекции.

Несмотря на то, что традиционной минимальной единицей словесно-художественного творчества считается литературное произведение, а следовательно, представление о том или ином авторе формируется на основе анализа и интерпретации отдельных его текстов, мы склонны полагать, что существуют единицы, находящиеся «ниже» текста. Главной среди них действительно является образ. Понятый в культурно-исторической и типологической специфике, он представлен четырьмя основными разновидностями: мифом — тропом — предметным словом — символом (С. Н. Бройтман). В каком-то смысле лирическое высказывание вырастает из образа и в образ может быть свернуто. Безусловно, любой современный автор может использовать всю палитру образных языков, но все-таки нельзя долго сидеть сразу на четырех стульях: доминантный образный код является ключом авторского творчества, а читателю стоит из связки ключей выбрать тот, которым художественный мир открывается.

Если попытаться выстроить иерархию ключевых кодов поэзии И. Силантьева, то получается по нарастающей и приближающей нас к точности следующая картина: голое предметное слово — троп — символ — миф. Это означает, что основная интенция автора состоит в создании и презентации своего уникального творческого мифа, в круге которого, как известно, возможно все, потому что это все уже существует как единственная реальность!

Далеко неслучайно, что в текстах сборника не конкретизируются пространственные и временные свойства изображаемого. Так, о времени гораздо чаще сообщается через «сегодня»,

«вчера», «ночью», «утром» или «весной», «осенью», «зимой», «в июле». Единственный раз в книге промелькнули «Ярославль» и станция «Зяблики» — кажется, вот она, конкретность пространственного вида происходящего. Однако здесь вновь важна не столько топография и география предметного слова, а мифосемантический ореол используемых имен: ярая (солнечная, жаркая, сильная) слава, и здесь же — зябнуть, зябь, зябко, и так часто используемые автором орнитологические мотивы «полета» и сближение человека с птицей. В результате мы вновь попадаем в плотные слои индивидуального творческого мифа.

Вообще хочется заметить, что далеко не всякий стихотворец обязан и даже способен в первой книге выступить с мифом, это избыточная задача для дебютанта. В то же время не следует забывать о том, что миф удобен, так как его высокие и толстые стены, отгораживающие автора от реального мира, способны защитить неопита от возможной агрессии критиков и любопытства обывателей.

Полуконкретность пространства и времени влияет на образ человека, способы его воплощения и принципы повествования о нем. В лирике часто бывает достаточно сложно провести границу между автором и его героем. За каждым грамматическим «Я» принято мгновенно узнавать в худшем случае автора, в среднем — персонажа, так называемого «лирического героя». Необходимо постоянно помнить: герой принадлежит к тому, что можно назвать реальной жизнью, он аналог человека. Его удел — страдать, действовать, мечтать, вспоминать, одним словом, жить! Автор находится совсем в другой действительности — в сфере вымысла, воображения, слова, его задача изобразить всю эту череду состояний, эмоций, поступков и событий, создать их образы. Именно поэтому автор и герой, по Бахтину, не могут встретиться в тексте. Наивно связывать их в одно целое — не понимать саму суть словесного искусства.

В стихотворениях И. Силантьева образ человека лишен многих свойств, качеств и характеристик. Совершенно уве-

ренно можно сказать, что перед нами герой, а не героиня. Кажется, он все-таки горожанин; наш современник; вроде бы, он не сильно молод и не очень стар; похоже, занимается интеллектуальной работой, так как имеет много свободного времени. Да, еще: у него есть жена, с которой он уже четверть века (а вот детей вроде бы нет). Весь перечень деталей, всплывающих вокруг героя, создает образ социально усредненного «я», что лишний раз подтверждает ориентацию образа не на предметное, а на мифологическое.

В мифе возможно все, он устанавливает особое состояние, кроме того, здесь все как бы перетекает во все на основе сопричастности. Наверное, благодаря этому единственным законом такой мифопоэтической реальности становится закон непрерывного превращения, постоянных метаморфоз. Земля может легко оказаться вверху, небо — внизу, живое легко смешивается с неживым, предметное с нематериальным, природное с духовным.

Например, можно из папиросной (то есть очень тонкой) бумаги сделать радугу, а потом пойти по ней, превратившись в охотника на солнце (!); или соорудить из разных предметов со свалки конструкцию-подобие человека, стать им и уйти-взлететь высоко, в надежде встретиться с Богом; или, припадая к Земле, прорасти в нее всем своим существом и пр.

Возвращаясь к двухтемью сборника, отметим, что миф творческих метаморфоз охватывает одновременно город и природу, но именно природное становится основой мифопоэтического образа. Городская обыденность ощущается и переживается героем как муторная, привычная, тошнотворная, внесобытийная. Однако вымученность городом и желание его (и ее) избыть открывает саму суть жизнебытия, причем здесь же, рядом. Стоит только закрыть глаза и открыть их, попытаться, замирая в созерцании, увидеть иную ипостась привычного. Например, жука синего космического цвета, ползущего по уродливой городской клумбе (резиновому ободу колеса); паучка, пытающегося поймать

в свою паутину солнце; гусеницу, затаившуюся на травинке в дождливый день; можно даже заметить, что цветок ромашки состоит из трех створок.

Весь круг созерцаний природного и контекст подмеченного меньше всего располагает поэзию И.Силантьева по разряду пейзажной лирики. Скорее всего, мы имеем дело с тем родом поэтического творчества, который размещается на переходе от натурфилософской к метафизической художественной идеологии. В отличие от героя, автор не акварелист (вообще его эпитеты играют не колористическую роль), не естествоиспытатель или юннат (здесь созерцание максимально очищено от прикладного нюха — просто наблюдения), не метафизик, так сказать, уходящий от естественной природы в природу духовную, не мистик и не аскет. Он мифограф, а не мифолог, или по-простому — коллекционер забытого, а для многих бесполезного.

Любопытно, что поэтическая мифографика не исключает, а предполагает в качестве фона использование и других видов образности. В частности, известную любовь к тропам и фигурам, умение неожиданно из самой сути художества выйти в риторику, с одной стороны, а с другой — достаточно умеренное введение в произведения символической образности, прорастающей иногда из текста в текст.

Итак, закрывая книгу стихотворений И. Силантьева и возвращаясь к ее названию, мы можем уточнить, в каком смысле стоит понимать это манящее «Жизнь легка». Оказывается, в самом простом, прямом и естественном: она легка, потому что она мифична, а все внешние так называемые «блага», «проки», «пользы» и пр. — это уже не жизнь и не дело поэта!

Хочется пожелать этой книге интересной (легкой) жизни, внимательных и чутких читателей.

Владимир Максимов

Надкушенное яблоко, и липнувший снег,
И треснувшая губа, и вкус крови некстати.
А в прыгающей по наледи пустой бутылке
Свистит не ветер — само безразличие.
И замерзший таджик, обнимая лопату,
Провожает чужим покорным взглядом
Безгласный и зверский исход горожан
В утреннее изголодавшееся метро.
А ты стоишь у перекрестка на красный.
На краю пропасти, на краю времени.
И на зеленый нелепо отступаешь назад,
Не в силах шагнуть и пропасть в безвременье.
И яблоко падает в истоптанный снег
Прямо к ногам потустороннего таджика.
Поднять его? Мимо пройти? Улыбнуться?
Но опять губа, и некстати вкус крови!
И ты почти не существуешь в этом мире,
Но поднимаешь глаза и на миг встречаешь
Чужой и покорный взгляд. А бутылка
Отчаянно бренчит под ногами прохожих.
А в сердце, или где-то глубже, отчаянно
Бьется надежда хоть что-то исправить.
И поднять яблоко. И стать по ту сторону.
Бесплотным ангелом. Рядом с таджиком.

* * *

С ударяющей в лицо, кидающейся в ноги
Метелью, что в глухую февральскую полночь
Заволакивает безмолвные пределы земные,
Заполняет, забеляет притихшую душу,

С безумным присвистом заблудшего ветра,
Хлопающего разорванной ветошью по окнам,
Пробирающегося в углы остывшего дома,
Пробирающего холодом до острой дрожи, —

Неуют... С метелью, с ветром, с тревогой,
С желанием запрячься под три одеяла,
Потеряться в темном и душном чреве,
Стать снова существом еще не рожденным.

Да пустое все это! И спустя мгновенье
Накатывает голод и жажда смысла,
Воздуха из распахнутого окна, воли,
Настежь распахнутой безоглядной жизни!

И громыхает уставшая от бури крыша.
И уставшее небо ничего не слышит.
И дышит свечным огоньком на сердце
Надежда на скорый рассвет. И верится
В правду с простым счастливым лицом.
В сказку с простым счастливым концом.

* * *

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у солнца три огонька.
Первым согреюсь, вторым заискрюсь,
А третьим в костре разгорюсь.

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у дождя три глотка.
Первым умоюсь, вторым напьюсь,
А третьим к корням просочусь.

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у облака три снежка.
Первый рассыплю, вторым застужусь,
А третьим от смерти отмахнусь.

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у судьбы три силка.
Первый распутаю, о второй споткнусь,
А в третий нечаянно попадусь.

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у ветра три вьюжка.
Первым взвеюсь, вторым закружусь,
А третьим к воле поднимусь.

* * *